

Барьеры социальной интеграции старшего поколения в контексте проблемы межпоколенческих коммуникаций*

**Виталий Николаевич
БАРСУКОВ**

Вологодский научный центр РАН
Вологда, Российская Федерация, 160014, ул. Горького, д. 56а
E-mail: Lastchaos12@mail.ru

Аннотация. За несколько последних столетий человечество совершило переход от «общества без стариков» к «стареющему обществу». Последствия глобального старения населения влекут за собой изменения не только в экономико-демографическом, но и социальном пространстве. При этом данная категория последствий, вызванных увеличением доли и численности представителей старшего поколения, в наименьшей степени поддается эмпирическим измерениям и прогнозированию. Одной из важнейших задач «стареющих» государств выступает решение проблемы социальной интеграции и вторичной социализации пожилых людей, однако в условиях нарастающего технологического прогресса возникает мощный структурный барьер, выражающийся в увеличении коммуникативной дистанции между поколениями. Проблема конфликта поколений берет свое начало еще в глубокой древности, но на текущий момент в условиях глобального демографического старения она приобретает все большую актуальность. Целью данного исследования стало изучение барьеров социальной интеграции старшего поколения в контексте проблемы межпоколенческих коммуникаций. Для достижения поставленной цели были решены следующие задачи: проведение концептуального обзора существующих теории поколений и фундаментальных работ в области исследования межпоколенческих коммуникаций; анализ и интерпретация данных, полученных посредством проведения серии углубленных

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ, проект № 16-18-00078 «Механизмы преодоления ментальных барьеров инклюзии социально уязвимых категорий населения для активизации процессов модернизации регионального сообщества».

Для цитирования: Барсуков В.Н. Барьеры социальной интеграции старшего поколения в контексте проблемы межпоколенческих коммуникаций // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 5. С. 214-230. DOI: 10.15838/esc.2018.5.59.14

For citation: Barsukov V.N. Barriers to social integration of the older generation in the context of intergenerational communication issues. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2018, vol. 11, no. 5, pp. 214-230. DOI: 10.15838/esc.2018.5.59.14

интервью с представителями старшего поколения; формулирование основных выводов по результатам исследования. Поставленные цель и задачи были направлены на проверку основной гипотезы исследования, согласно которой разрыв межпоколенческих коммуникаций выступает одним из главных барьеров социальной интеграции старшего поколения. В первой части статьи представлен теоретический обзор существующих подходов к понятию «поколения», закономерностей их смены и факторов возникновения разрыва межпоколенческих коммуникаций. Определены теоретические и эмпирические ограничения в выделении универсальных характеристик смены поколений. Делается вывод о взаимосвязи процесса разрыва межпоколенческих коммуникаций и формирования барьеров социальной интеграции пожилых людей. Во второй части статьи представлены данные о результатах серии глубинных интервью с представителями населения пенсионного возраста, проживающими в г. Вологде. Исследование подтвердило гипотезу о том, что одним из основополагающих аспектов, препятствующих инклюзии старшего поколения, выступает разрыв межпоколенческих коммуникаций. Данный процесс определяется множеством факторов, главным из которых является потеря актуальности навыков и опыта представителей старшего поколения, а также востребованности этих качеств населением младших возрастов (в том числе, внутри семьи).

Ключевые слова: старение населения, старшее поколение, межпоколенческие коммуникации, конфликт поколений, барьеры инклюзии.

Введение. На протяжении всей истории человечества отношение общества к «старости» и пожилым людям менялось. В разное время изучением проблемы эволюции отношения социума к представителям старшего поколения занимались такие ученые, как М. Блекнер, У. Генри, Э. Камминг, А. Роуз [1]. Главным выводом, обобщающим идеи большинства исследований в данной области, является то, что место и роль пожилого человека определяется множеством факторов, к числу которых могут относиться исторические, географические, социальные, экономические и т.д. При этом ментальные особенности восприятия места и роли старшего поколения как обществом в целом, так и самими пожилыми людьми являются важным аспектом формирования социокультурной парадигмы старости. Одним из главных барьеров социальной интеграции старшего поколения выступает фундаментальная проблема противоречий, возникающих в процессе межпоколенческих коммуникаций. Проблема «отцов и детей» представляет собой некую универсальную форму всего спектра проявлений сложной системы взаимодействия между поколениями [2; 3; 4;], а базисом служит расхождение в восприятии социальной действительности в силу несоответствия набора социокультурных характеристик, присущих определенному возрасту [5; 6].

Постановка проблемы. Учитывая сложность и неоднозначность исследуемой проблемы, необходимо сделать методологическое отступление с целью уточнения понятия «поколение». В демографии данный термин имеет вполне четкое описание и интерпретируется как «совокупность людей, родившихся в одно и то же время» [7]. Принято выделять «реальные» и «условные» (гипотетические) поколения, главным отличием между которыми является следующее: в первом случае поколение трактуется как «совокупность людей, родившихся в один временной период (ровесники)», а во втором – как «совокупность людей разного возраста, но живущих в одно и то же время (современники)». В демографии семьи поколения различаются также по линии родства (дед, отец, сын и т.д.). В социологии же данный термин рассматривается не только в контексте отдельно взятой возрастной группы, но и исторической локализации [8]. Исходя из неоднозначности определения понятия «поколение», можно предположить, что исследуемая категория не может обладать строго универсальными характеристиками в разных областях. Более того, границы и свойства поколения часто устанавливаются в соответствии с исследовательскими задачами и параметрами исторического анализа [9].

Главным вопросом в осмыслении сущности поколений и их взаимодействия является определение баланса в сочетании биологических и социальных компонент. Сложно оспорить тот факт, что возраст, как и демографические ритмы рождений и смертей, выступают главными факторами не только формирования структуры поколений, но и социальных изменений. Один из наиболее значимых научных трудов, посвященных исследованию теории поколений, — статья Карла Мангейма «Проблема поколений» (1928), включающая в себя фундаментальное обоснование важности социальной компоненты в изучении данной проблемы [10]. Мангейм последовательно критикует позитивистский (О. Конт, Ж. Дромель, Ф. Мантрэ) и романтико-исторический подход (В. Дильтей, В. Пиндер) к определению сущности и факторам смены «поколений». Несмотря на явные различия в двух концептуальных подходах (первый условно можно назвать «количественным», а второй — «качественным»), по мнению Мангейма, объединяющей идеей становится попытка обнаружить биологическое основание, позволяющее понять переменчивость течений интеллектуальной и социальной жизни и выявить таким образом направление прогресса [10]. Немецкий ученый небезосновательно приходит к выводу о недостаточности поиска универсальных законов смены поколений через призму только биологического обоснования. Без определения социальной уместности биологических факторов очертания границ поколения не имеют смысла, что в целом подтверждается происходящими в XXI веке трансформациями парадигмы старости.

В позитивистском подходе старшему поколению отводится роль консервативной силы, препятствующей развитию. В частности, О. Конт утверждал, что увеличение продолжительности жизни снижает темпы прогресса ввиду нарастания временного интервала «тормозящего» влияния пожилых людей [11]. Х. Ортега-и-Гассет в своей теории отводил пожилому человеку место на «обочине» истории, считая, что основной вклад в ее творение вносит население в возрасте от 30 до 60 лет. Во многом аргументация исследователя строилась вокруг следующего утверждения: «Достаточно,

что тех, кому за шестьдесят, очень мало по сравнению с людьми других возрастов, и в этом смысле само их существование — нечто исключительное» [12]. И именно этот тезис стал ахиллесовой пятой метода поколений Ортеги-и-Гассета. Действительно, в начале XX века явление старения населения в европейских странах было скорее исключением из правил, а самые «старые» страны (Франция и Ирландия, где доля населения старше 60 лет едва превышала 10%) в XXI веке считались бы самыми «молодыми». Однако процесс интенсивного демографического старения в развитых и развивающихся странах привел не только к перманентному увеличению удельного веса пожилых людей, но и к росту их вклада в общественное развитие [13; 14].

Вторым аспектом, по причине которого многие из теорий поколений не прошли проверку временем, стала попытка найти строгие пределы границ поколений. Применялись разные периодизации и циклы смены поколений (чаще всего 15-летние и 30-летние), однако возраст 60 лет определялся как период «отречения от дел» [12]. Главный постулат теории «перспективного» старения Сандерсона и Щербова [15] гласит, что объективные границы старости во всем мире постоянно сдвигаются, провоцируя пересмотр отношения к отдельным возрастным категориям населения, которые еще совсем недавно считались пожилыми людьми (условно говоря, нынешние 80-летние — это 65-летние несколько десятилетий назад). Таким образом, продолжающийся процесс увеличения продолжительности жизни является катализатором изменения прежних границ «старости».

Отдельное внимание стоит обратить на одну самых популярных теорий поколений, сформулированную Н. Хоувом и В. Штраусом. В 1991 году ими была опубликована книга «Generations: The History of America's Future, 1584 to 2069» [16], во многом определившая современное понимание исследуемой проблемы. Авторы исследовали поведение различных поколений американского общества с начала XVI века и пришли к выводу, что между ними много общего, выделив четыре основных типа: «пророки/идеалисты», «кочевники/активисты», «герои/примиренцы» и «художники/приспособленцы», смена которых происходит каждые 20 лет [16].

Безусловно, теория Н. Хоува и В. Штрауса — достояние современной социологии, однако она часто подвергается небезосновательной критике. В первую очередь это касается строго выделяемых периодов смены поколений, представляющихся весьма необоснованными. Во-вторых, определенные вопросы вызывает возможность адаптации теории, основанной на данных о социальных трансформациях американского социума, к другим странам. В частности, является ли так называемое поколение Z или «цифровое» поколение (индивиды 2000–2005 годов рождения) одинаковым в США, Мексике и Центральноафриканской Республике? Этот же вопрос можно отнести к поколению «бэйби-бумеров» (1940–1960-е годы рождения), например, в России и Швеции. Важнейшим в данном случае становится уже упомянутый нами компонент «исторической локализации», который во многих теориях поколений не находит своего отражения.

Далее вновь обратимся к труду Карла Мангейма. Немецкий ученый абсолютно оправданно, на наш взгляд, скептически оценивал возможность формулирования строгих закономерностей в смене поколений, а также их цикличности. Выделяемые периоды в 15–30 лет являются крайне незначительными по меркам истории, и можно говорить лишь о временном и условном тренде (или тенденции), который впоследствии может оказаться лишь частью долгосрочного цикла [17].

Однако сложно отрицать тот факт, что даже условные поколения вступают в межпоколенческую коммуникацию. Важность данного процесса для общественного развития подчеркивал Ю. Хабермас в своей концепции «жизненного мира», где взаимодействие между поколениями служит одним из важнейших факторов культурного воспроизводства и социальной интеграции [18]. Очевидно, что этот феномен имеет и обратный эффект — разрыв межпоколенческой дистанции ведет к социальной дезинтеграции.

Процесс общественной коммуникации претерпевал изменения на протяжении всей истории развития человечества. Обобщив имеющиеся данные, социолог Г. Маклуэн сформулировал теорию, согласно которой можно выделить три типа коммуникативности: традиционный, функционально-ролевой и массовый [19].

Последний тип характерен для современного этапа, когда развитие технологий позволяет коммуницировать неограниченному числу индивидов, без труда преодолевающих пространственно-временные барьеры. Однако переход от функционально-ролевого типа привел к ситуации, когда отсутствие навыков владения современными средствами коммуникаций может создавать барьеры для социальной интеграции старшего поколения и ведет к возникновению затруднений в выполнении важнейшей функции пожилых людей — трансмиссии опыта. Прежние средства трансляции устаревают, создавая разрыв между поколениями. В схожем ключе выстраивает логику своих рассуждений социолог и антрополог М. Мид [20]. Но в ее теории заметно больше внимания уделяется культурной составляющей. Выделяемые М. Мид типы культур носят дискуссионный характер, хотя факторы изменения процесса социальной коммуникации между старшим и младшим поколением описываются достаточно четко и подтверждаются на практике. Рассмотрим их более подробно.

1. Постфигуративная культура: младшие поколения перенимают опыт у старших, пожилые люди выступают посредниками в его передаче от поколения к поколению. Такие культуры являются консервативными и слабо подвержены изменениям. Данный тип характеризуют изолированность и преобладание лабильной (кратковременной) культурной и исторической памяти, передаваемой из поколения в поколение. Пожилые люди в них ценятся достаточно высоко, поддерживая историческое наследие и реализуя функцию трансмиссии ценностей.

2. Кофигуративная культура: младшие поколения перенимают опыт не только у старших, но и у сверстников. Переход к данному типу чаще всего происходит вследствие неких революционных событий (переход к новому политическому строю, технологические изменения, принятие новой веры и т.д.), за которыми следует изменение структуры ценностей общества. Помимо функции передачи ценностей, роль представителей старшего поколения заключается в установлении пределов и рамок проявлений кофигурации, позволяющих не допустить полного изменения прежних устоев. На этом фоне естественным образом возникают меж-

поколенческие конфликты, основная причина которых заключается в конфронтации между системой «старых» и «новых» ценностей. В концепции М. Мид одной из главных характеристик кофигуративной культуры является постепенный переход к модели нуклеарной семьи. Таким образом, в процессе прямого взаимодействия и передачи ценностей участвуют два поколения (родители и дети), межпоколенческая коммуникация сокращается до минимальных пределов. Разрыв культурной дистанции ведет к возникновению дискриминации по признаку возраста, основанной на конфликте ценностей.

3. Префигуративная культура: не только младшее поколение перенимает опыт у старшего, но и наоборот. В современном обществе темпы научно-технологического прогресса настолько велики, что человечество не успевает вовремя под них подстраиваться. Возникает эффект «шока от будущего», которое в одноименной книге подробно описал Э. Тоффлер [21]. Таким образом, пожилые люди, чья ценностная система является предельно сформированной, вынуждены регулярно перестраиваться под нововведения и инновации не только технологического, но и социального характера. Немаловажную роль играет также увеличение общей продолжительности жизни населения. Еще несколько веков назад продолжительность жизни реальных поколений людей в Европе составляла порядка 30 лет, в то время как интенсивность научного и технического прогресса была существенно ниже, что способствовало формированию постфигуративных и кофигуративных культур, в которых у пожилого человека возможностей для адаптации и нахождения своего места было значительно больше.

Следует также отметить важность межпоколенческих коммуникаций в модернизационных процессах. По теории Р. Инглхарта успешная культурная модернизация общества, выражающаяся в переходе от материалистических к постматериалистическим ценностям, возможна только при отсутствии дезинтеграционных процессов, в числе которых одно из первых мест занимают межпоколенческие конфликты [22]. Возникающие, как следствие, проявления возрастной дискриминации и стереотипизации выступают социальными рудиментами, барьерами на пути культурной модернизации.

Проведенный обзор позволяет говорить о том, что проблема межпоколенческих коммуникаций служит фактором формирования барьеров социальной интеграции старшего поколения. Это явление находит свое отражение во многих отраслях общественной жизни, определяя контуры социального феномена под названием «конфликт поколений». Эволюция теорий поколений дает возможность сделать важный вывод: определение строгих закономерностей смены поколений и их взаимодействия с трудом поддается эмпирической оценке. Гипотетическая цикличность смены поколений, вероятно, представляет собой лишь временные тренды линейного процесса перехода к префигуративной культуре, многие из параметров которой характерны для большинства развитых и развивающихся стран (в том числе России). При этом само понятие поколения видится крайне сложным и неоднозначным. Безусловно, при проведении исследований в данной области необходимо учитывать территориальную специфику и т.н. «историческую локализацию». Таким образом, в данной работе под старшим поколением нами будут пониматься все представители законодательно установленного в Российской Федерации пенсионного возраста (как работающие, так и неработающие), т.к. в современных реалиях именно фактор «выхода на пенсию» является катализатором разрыва межпоколенческих коммуникаций и формирования барьеров социальной интеграции пожилых людей [23].

Методология исследования. Позитивистская идеология, ставшая краеугольным камнем социологии в настоящее время, а также стремление к объективизации и цифровизации социологических данных несколько отодвинули на второй план использование качественных методов. Однако, на наш взгляд, применение биографического метода в исследовании межпоколенческих коммуникаций и барьеров социальной интеграции старшего поколения потенциально может дать результаты, которые при помощи количественных методов получить достаточно сложно.

В 2017 г. коллективом сотрудников ВолНЦ РАН была проведена серия интервью с представителями старшего поколения. Программа исследования и его внутренняя логика вы-

страивалась на основе результатов социологического опроса, посвященного изучению барьеров инклюзии социально уязвимых категорий населения¹. Отбор респондентов не подразумевал строгого соответствия пропорциям половозрастной структуры населения. Главными формальными критериями отбора выступали достижение опрашиваемым законодательно установленного пенсионного возраста и статус занятости (работающий или неработающий). Выделение критериев основывалось на сформулированных по результатам социологических опросов выводах:

а) фактор «выхода на пенсию» является катализатором разрыва межпоколенческих коммуникаций и формирования барьеров социальной интеграции пожилых людей;

б) представители пенсионного возраста, продолжающие трудиться, в меньшей степени сталкиваются с проявлениями социальной эксклюзии, ввиду поддержания заметно более широкого круга социальных связей и отнесения себя к производительной части населения.

Всего было опрошено 20 человек в возрасте от 59 до 82 лет (4 мужчин и 16 женщин), при соблюдении пропорций в 40% работающих и 60% неработающих (доли определялись по данным официальной статистики). Интервью проводились на базе культурно-досугового центра «Забота» (г. Вологда) и ВолНЦ РАН.

В основу гайда интервью был заложен биографический метод. Повествование респондента подразумевало краткий рассказ о своем жизненном пути с уточнением по наиболее важным аспектам (брачные и семейные отношения, получение образования, трудовая деятельность). Таким образом, первая часть интервью позволила определить жизненные траектории респондентов, а также их влияние на процесс социальной интеграции в пожилом возрасте. Вторая часть беседы включала в себя несколько

блоков вопросов, направленных на исследование состояния здоровья группы, факторов, особенностей и мотивов к продолжению трудовой деятельности на пенсии, проблем, связанных с выходом на пенсию. Наибольшее внимание было уделено оценке круга социальных связей и элементов межпоколенческих коммуникаций, взаимодействию с молодежью.

Результаты и их обсуждение. Первая часть интервью представляла собой краткую биографию и описание текущего семейного положения респондентов. Обращает на себя внимание дифференциация мест рождения опрошенных пожилых людей, которые на текущий момент проживают в г. Вологде: это Мурманская, Ульяновская, Белгородская, Московская, Тверская, Новосибирская, Архангельская, Вологодская области, Республика Коми. Система распределения выпускников учебных заведений, активно применявшаяся в СССР, наложила отпечаток на траектории их жизненных стратегий, т.к. смена места жительства была достаточно частой. Иногда рождение, обучение и трудовая деятельность происходили в разных регионах страны:

Н.Н., 72 года, ж.: «Родилась я в 1946 году в городе Мелекесс, Ульяновская область... В 1969 году я закончила Ивановское медицинское училище. По распределению дали Кемеровскую область... С мужем решили так далеко по карте не ехать и выбрали самое непрестижное место — Вологодскую область».

С точки зрения возможностей преодоления барьеров социальной интеграции это явление играет, вероятно, положительную роль. Неоднократно в интервью отмечалось большее умение «того» поколения (40–50-е годы рождения) адаптироваться к изменяющимся условиям.

Что касается семейного положения респондентов, то подавляющее большинство из них проживают в одиночестве или с супругом. Как правило, процесс территориального разделения семьи совпадает с рождением и взрослением внуков:

Г.П., 82 года, ж.: «В однокомнатной, так что... Вот и пришлось нам разъехаться: они в свою однокомнатную, тоже жили четверо в однокомнатной квартире, воспитывали так детей. А у меня была как бы трехкомнатная, мы с мужем да с дочкой жили, а потом муж умер,

¹ Опрос «Социокультурная модернизация регионов» проведен в две волны, в 2016 и 2017 гг., методом анкетирования по месту жительства в ряде регионов Северо-Западного федерального округа: в Вологодской, Мурманской, Калининградской и Новгородской областях, а также в Республике Карелия. Метод выборки: районирование с пропорциональным размещением единиц наблюдения. Тип выборки: квотная по полу и возрасту. Объем выборки составил 3101 человек в 2016 г., 3108 человек в 2017 г.; ошибка выборки не превышает 5%.

а потом дочка умерла. Дочка умерла, я сказала: давай, Миша, поменяемся. Сначала с сыном поменялась, а вот теперь уже с внучкой пришлось. Теперь уж, думаю, навсегда».

В силу ряда обстоятельств участие в воспитании внуков и активное общение с ними происходит до школьного возраста:

Н.Н., 72 года, ж.: «Нет, не часто удается видеться. До школьного возраста с внуком проводила очень много времени, потом уже нет».

Главным ограничивающим фактором является здоровье пожилых людей, которым часто тяжело выполнять эти обязанности. Однако это не единственная причина. Важным элементом выступают межпоколенческие противоречия, выражающиеся в расхождении ценностей и установок воспитания:

В.Ф., 77 лет, ж.: «Мне как учителю начальных классов так хочется их чему-то научить (внуков. — Прим. авт.)! Но мои дети говорят, что не надо сейчас, еще рано. Ну а как не надо? В этом отношении у меня бывают с дочерью разногласия. Не скандалы, конечно, но мне это не очень нравится».

Вторая стадия возрастания межпоколенческой дистанции на уровне семьи происходит на этапе взросления внуков. Как уже говорилось ранее, современное российское общество характеризуется префигуративным типом культуры, в котором пожилым людям трудно адаптироваться к колоссальным темпам технологического и социального прогресса. На этом фоне возникает разрыв межпоколенческих коммуникаций, в основе которого лежит устаревание знаний и навыков, теряющих, по мнению молодых людей, свою актуальность:

Н.Н., 72 года, ж.: «Во всяком случае мои внуки не чувствуют необходимости воспользоваться моими знаниями, моим жизненным опытом. Даже когда даешь совет, и то обороняются. И не только внуки, но и сын со снохой. Начинаешь им говорить что-то, и они отвечают: ты ничего не понимаешь, сейчас совсем другая жизнь. Жизнь-то другая, но правила-то жизни такие же».

Меняется не только содержательная часть общения, но и его форма. Изменение стиля языкового общения часто становится еще одним барьером, препятствующим межпоколен-

ческой коммуникации. Возникает когнитивный диссонанс в восприятии сути и содержания обыденных вещей, у которых меняется форма их описания:

И.Н., 70 лет, ж.: «Вы знаете, язык сменился, конечно. Я знаю английский, но я не понимаю, о чем речь. Я вижу вывески, написанные латинским буквами, но, оказывается, это русские слова написаны, т.е. у меня большое препятствие, как ни странно. Это и в СМИ, это и в общении с молодежью. Язык, изменился язык».

Безусловно, этот аспект можно рассматривать в качестве барьера, препятствующего интеграции пожилых индивидов в общественную жизнь. Как следствие, в круг их социальных связей молодые люди входят крайне редко. Формируется он преимущественно из близких родственников и людей пенсионного возраста (чаще ровесников):

В.В., 72 года, ж.: «С родственниками в первую очередь, зовешь куда-то. Сын приглашает. С ровесниками общаюсь. С подругой встречаемся частенько».

И.Н., 70 лет, ж.: «Это люди моего возраста. Каждый день практически с ними общаюсь, поездки с ними».

Г.П., 82 года, ж.: «На сегодняшний день — с пенсионерами. Мы каждый день общаемся. Встретаться теперь реже стали, а по телефону очень много».

Таким образом, круг общения становится главным фактором формирования субкультуры «старости», в которой происходит интериоризация ценностных установок, характерных для данной группы. Следует отметить, что для части пожилых людей это представляется серьезным препятствием, которое вынуждает их несколько изменять свои приоритеты в коммуникативной сфере:

С.В., 66 лет, ж.: «Честно говоря, мне больше нравится общаться с молодыми, нежели с людьми моего возраста, которые ноют, говорят о болячках, у которых все плохо».

Н.Н., 72 года, ж.: «С людьми своего возраста общаться все трудней и трудней, потому что старость сказывается на психике. Люди старшего возраста как-то замыкаются в себе. Чем старше — тем человек все больше сам себя ограничивает».

К.К., 75 лет, ж.: «Иногда остановишься у подъезда с бабушками поговорить. Но я не люблю у подъезда сидеть. Не нравится: «Этот туда пошел, этот сюда пошел». Какая мне разница, кто куда пошел?».

Фактически происходит неприятие ценностей, характерных для данной социально-демографической группы. При этом все опрошенные отмечали, что текущего круга общения им достаточно. Однако анализ интервью позволяет утверждать, что в большинстве своем прямое общение носит фрагментарный характер: например, несколько раз в неделю посещение родственников или общение с ними по телефону, встреча с ровесниками на совместных мероприятиях и т.д. Как следствие, жизнь пожилого человека часто ассоциируется с одиночеством:

Н.Н., 72 года, ж.: «Хоть десять человек нарожай, все равно старость – это одиночество. Все разведутся, у каждого свои проблемы».

В разной степени с этим чувством сталкиваются большинство представителей старшего поколения. Но отношение к самому факту одиночества и пути его преодоления могут различаться:

Г.П., 82 года, ж.: «Иногда находит, но очень редко. Ну бывает такое, взгрустнется, но кто-то позвонит, с кем-то поговоришь и опять все...».

Н.Н., 72 года, ж.: «Нет, от одиночества я не страдаю, одиночество я люблю. Общения с сыном мне вполне достаточно. Одной – очень хорошо, мне нравится».

К.К., 75 лет, ж.: «Вот я дома одна не люблю... Обычно приходится включать телевизор, но мне не очень нравится то, что там идет».

В.В., 72 года, ж.: «Если возникает, то я беру кроссворд. Пойдешь по городу погуляешь. А так всегда в коллективе. С работы приглашают иногда. Сейчас так лучше отдельно от родственников жить».

Проживание в одиночестве и наличие большого количества свободного времени требуют поиска компенсаторных механизмов, способов заполнения этого вакуума. Преимущественно это происходит путем наращивания интенсивности общения, приобретения новых хобби, участия в общественной деятельности. Стоит указать, что для работающих пенсионеров младших возрастов проблема одиночества актуальна в меньшей степени:

Т.Д., 59 лет, ж.: «Иногда даже хочется побыть одной. На работе по несколько десятков мимо пройдет, каждый что-то спросит, скажет. Я иногда приезжаю на дачу, думаю отдохну. Но тут одна соседка идет, вторая. Вот и опять круг общения. Не дают мне быть одной».

Необходимо отметить одно из наиболее значимых наблюдений: пожилые люди ассоциируют понятие «выхода на пенсию» не с установленным законодательно пенсионным возрастом, а с датой окончания своей трудовой деятельности. Именно в этот период становятся актуальными процессы постепенного сужения круга социальных связей, возникновения чувств одиночества и снижения общественной значимости. В это время начинается поиск тех самых способов заполнения возникшего вакуума:

В.В., 72 года, ж.: «Сложно привыкнуть дома сидеть. Хочется куда-то, чтобы не залежаться».

На принятие решения о продолжении или прекращении трудовой деятельности на пенсии оказывает влияние целый ряд взаимосвязанных факторов (внутренних и внешних). К внутренним факторам мы относим состояние здоровья, профессиональные умения и навыки, мотивацию и ценности. Анализ проведенных интервью подтверждает тот факт, что в распределении их значимости наблюдаются определенные закономерности:

Н.Н., 72 года, ж.: «Во-первых, состояние здоровья позволяло. Во-вторых, нравилась профессия, нравилось общаться со студентами. В-третьих, материальная заинтересованность. Это дало мне осуществить свое давнее желание – путешествовать».

Таким образом, хотя потребность в дополнительном доходе служит ключевым мотивом к продолжению трудовой деятельности, именно состояние здоровья («могу ли я это сделать физически?») и профессиональные навыки («умею ли я это делать?») являются первостепенными факторами.

Неудовлетворительное состояние здоровья выступает одним из аспектов, определяющих возникновение внутренних барьеров инклюзии и реализации ресурсного потенциала старшего поколения. В ходе интервью респондентам предлагалось дать субъективную оценку собственного самочувствия, абстрагируясь от име-

ющихся диагнозов. Исследование позволяет утверждать, что общая картина состояния здоровья населения старших возрастов, основанная на собственной самооценке, выглядит заметно оптимистичнее реальной:

В.В., 72 года, ж.: «Я в прошлом году проверялась, так мне дали 56 лет вместо 70. Я вообще, что если болит, так прикладываю сразу... Надо верить, во-первых, так и помогает. Наверно, на тройку-то тянет» (помимо комментариев, респондентам предлагалось оценить состояние своего здоровья по пятибалльной шкале. — Прим.).

В.Ф., 77 лет, ж.: «Я оптимист сама, держусь, везде хожу: плавание, кружки посещаю. Оценила бы здоровье на четыре с минусом.

Е.Г., 80 лет, м.: «Я только один раз в больнице лежал, и то только потому, что диспансеризация пенсионеров была. Состояние здоровья не вынуждало. Сейчас стало портиться здоровье уже. Оценю на четыре с минусом. Но, в общем, я себя хорошо чувствую».

К.К., 75 лет, ж.: «Я бы на четыре балла оценила свое здоровье. По крайней мере я сама себе внушаю, что все хорошо».

С.В., 66 лет, ж.: «Я инвалид первой группы. Но чувствую себя я на пять баллов. Что я должна лечь и лежать? Но я никому о своих проблемах не говорю».

При анализе ответов респондентов обращают на себя внимание несколько моментов. В большинстве случаев отмечалось, что именно оптимистичный настрой относительно реально существующих и прогрессирующих заболеваний выступает важнейшим элементом поддержания физического состояния здоровья. Вероятно, помимо эффекта самоуспокоения, для отдельных индивидов это служит своего рода способом преодоления стереотипного представления о пожилых людях и их физической недееспособности. Подтверждением данного предположения являются высказывания о том, что не следует регулярно озвучивать окружающим свои проблемы со здоровьем.

Второй аспект — это взаимосвязь между прекращением трудовой деятельности и изменением состояния здоровья. Дихотомическая составляющая проблемы не позволяет с полной уверенностью говорить о том, какой из аспектов первичный. Безусловно, ухудшение состояния здоровья ведет к снижению трудовой

активности. Однако, как показывают результаты интервью, в некоторых случаях именно трудовая деятельность служила фактором поддержания удовлетворительного физического состояния, а после ее завершения начинало наблюдаться ухудшение самочувствия.

В.В., 72 года, ж.: «Раньше работала, не догнала болезнь, а теперь сама себя поддерживаешь... Когда работала, так и не ходила в больницы. Ходила только уж когда здорово прижмет...»

К.К., 75 лет, ж.: «Скорее, мне кажется, наоборот, поддерживало. Сейчас хуже» (ответ на вопрос о том, препятствовало ли состояние здоровья трудовой деятельности. — Прим. авт.).

Конечно, нельзя однозначно утверждать, что продолжение трудовой активности — это абсолютный залог хорошего здоровья и активного долголетия. Но это в очередной раз свидетельствует о том, что представителей старшего поколения не следует рассматривать как однородную группу с точно определенным характером взаимосвязи различных факторов качества их жизни.

После завершения трудовой деятельности, как правило, больше внимания (именно внимания, а не времени) уделяется профилактике своего здоровья. Чаще всего это регулярная зарядка, длительная ходьба, плавание, посещение различных занятий по физкультуре. Стоит сказать, что в ряде случаев отмечалась важность когнитивной и познавательной функций в замедлении процесса индивидуального старения.

Н.Н., 72 года, ж.: «Чтобы не стареть, замедлить процесс старения, надо обязательно работать головой. Старение начинается с головного мозга. Надо постоянно что-то узнавать новое. Тогда человек замедлит свои старческие процессы».

В то же время всеми опрошенными признается тот факт, что возрастные изменения являются необратимыми вне зависимости от интенсивности профилактических мер.

Н.Н., 72 года, ж.: «Какой бы здоровый образ жизни человек ни вел, все равно генетическая программа идет на убыль. Абсолютно здоровых людей в 71 год не бывает».

Этим во многом определяется увеличение частоты посещений врачей и больниц. В целом деятельность органов системы здравоохранения оценивалась респондентами достаточно высоко.

ко, хотя и была выявлена одна настораживающая особенность:

В.Ф., 77 лет, ж.: «Я вам расскажу про медицину. Вот, значит, приходишь к врачам. Я спрашиваю у них диагноз, что нужно делать. Мне говорят: это у вас возрастное! Машины тоже портятся!».

В.В., 72 года, ж.: «Диспансеризацию проходила, но толку-то. Уколы не прописывают, только таблетки болеутоляющие. Говорят: старческое уже, изнашивается. Так обычно всем и говорят. Так вот и идешь как куда-нибудь пригласят, что-нибудь покупаешь» (речь идет о нетрадиционной медицине. — Прим.).

Нельзя утверждать однозначно, что такая практика является повсеместной. Вместе с тем сам факт существования подобного рода случаев ставит вопрос о необходимости расширения внедрения в систему здравоохранения геронтологического профилирования специалистов. Безусловно, процесс старения организма необратим, но «старость» — это не медицинский диагноз. Физиологическое старение — причина возникновения и роста интенсивности заболеваний, развитие которых, в свою очередь, может быть замедлено. В то же время первичным этапом должно стать изменение восприятия медицинскими работниками «старости» — не как единого неизлечимого заболевания, а как сложного явления со своими факторами и особенностями.

Вторым из рассматриваемых нами аспектов, оказывающих влияние на продолжение трудовой деятельности на пенсии, выступают актуальные навыки и уровень профессиональной квалификации. В ходе интервью респондентам предлагалось оценить свои профессиональные навыки и умения на соответствие современным требованиям. Проведенный анализ позволяет выделить две основные группы респондентов, оценивающих уровень своей квалификации как высокий и низкий соответственно.

Группа 1:

И.Н., 70 лет, ж.: «Глядя, как учат сейчас, как учат моего внука... я бы еще пригодилась».

С.В., 66 лет, ж.: «Естественно, соответствует. Я проходила квалификацию на высшую категорию на последнем году работы. Я в курсе всех программ и ЕГЭ. Это все контролирую. Мне в принципе интересно».

Г.П., 82 года, ж.: «Как вам сказать. У меня внучка тоже экономистом работает на... Я вам скажу, что когда она училась, мы с ней проработывали это все, как говорится, ей это все пригодилось. Она сказала: бабушка, я бы без тебя так не смогла учиться и, может, даже и работать».

Группа 2:

Н.Н., 72 года, ж.: «Нет, не соответствуют. Как ушла в медицинский колледж, так и уровень знаний становится все хуже и хуже, в плане практических медицинских знаний. В связи со сменой строя столько стало импортных лекарств, что я в них до сих не разбираюсь».

К.К., 75 лет, ж.: «Сейчас нет. Сейчас везде компьютеры, я в это не вникаю».

В.В., 72 года, ж.: «Экономисты вот изживают себя, что-то новое надо всегда изучать. В строительстве тоже: беру материал, а я уже и не знаю такого. Надо снова все читать».

Причин такого расхождения несколько. Во-первых, люди, имеющие высшее образование, оценивают актуальность своих навыков и умений выше. Во-вторых, респонденты, относящиеся к группе 1, в среднем были больше настроены на продолжение трудовой деятельности. В-третьих, респонденты, высоко оценивающие свой уровень квалификации, заметно чаще проходили курсы повышения квалификации (включая самостоятельное обучение), в том числе и в предпенсионных возрастах. Поскольку продолжение трудовой деятельности на пенсии позволяет поддерживать более широкий круг общения, то образование и высокий уровень квалификации становятся важными элементами преодоления ментальных барьеров интеграции в общественную жизнь, по крайней мере, в трудовой сфере.

Однако удовлетворительного состояния здоровья, высокого уровня квалификации и желания работать может быть недостаточно. Важным ограничивающим фактором выступает позиция работодателя. Как показало исследование, известное правило «последний на вход, первый на выход» по-прежнему во многих случаях применяется работодателями по отношению к представителям старшего поколения.

В.В., 72 года, ж.: «Немного поработала на пенсии, но потом попросили уйти, надо было освободить место... Из декрета вроде кто-то вернулся».

К.К., 75 лет, ж.: «После выхода на пенсию сменила работу. В то время было очень сложно. Мне предложили уволиться по возрасту. Я хотела немножко еще поработать, но мне сказали, что по возрасту пора, попросили написать заявление по собственному».

И.Н., 70 лет, ж.: «Я хотела работать, я любила работать. Пришла новая смена. Закончился очередной трудовой договор, пришел новый молодой кандидат. Если бы не эти обстоятельства, я бы продолжала работать до сих пор».

Г.П., 82 года, ж.: «Могут уволить по возрасту. Я вот скажу, что в моей семье нас восемь было детей, этого не было. Но в разговорах... Люди поработали, но т.к. предпринимателю нужна молодежь...»

Проблема возрастной дискриминации и вторая часть правила — «...первый на выход» — во многих организациях остаются актуальными. Но, как показывает анализ интервью, в первую очередь это определяется не негативным отношением к персонифицированному субъекту (пожилому человеку), а ограниченностью ресурсов предприятия. При прочих равных условиях в выборе между молодым и более зрелым сотрудником отдается предпочтение первому из-за существования не подтвержденного фактическим материалом стереотипа (особенно в сфере умственного труда) о низкой производительности труда в пожилом возрасте. В то же время в некоторых случаях применяется практика перевода пожилого сотрудника на менее квалифицированную должность в пределах той же организации.

В.В., 72 года, ж.: «Обычно предлагают что-то, переводят. На менее оплачиваемую. Сестру у меня так перевели».

Второй вариант — поиск работы в другом месте. Здесь вступает в силу первая часть правила — «последний на вход...». Беседа с респондентами подтверждает тот факт, что найти подходящую работу после выхода на пенсию крайне трудно. Чаще всего приходится соглашаться на менее высокооплачиваемый и престижный труд.

В.В., 72 года, ж.: «10 лет работала на пенсии. Сначала в доме-музее, потом дворником, вахтером».

К.К., 75 лет, ж.: «Пошла работать дежурной на вахте в интернате».

Вследствие такого подхода к занятости старшего поколения сформировался стереотип о том, что пожилые люди предлагают низкоквалифицированный труд, не востребованный в экономике. Однако существует огромный перечень профессий (в первую очередь, в сфере услуг), в которых навыки, умения и опыт представителей старшего поколения могли бы сыграть положительную роль в социально-экономическом развитии государства. Проблема не в качестве предложения, а в отсутствии спроса на труд пожилых людей в некоторых профессиональных сферах, где фактор возраста и неудовлетворительное состояние здоровья не являются первостепенными.

Респондентам предлагалось также ответить на вопрос о том, в каких случаях, по их мнению, работодатель может уволить человека, уже вышедшего на пенсию.

В.В., 72 года, ж.: «Если человек не пьющий, не скандальный, то никогда не предложат уволиться. Да учатся сейчас люди, курсов полно».

Н.Н., 72 года, ж.: «Если он соответствует своей должности, то, наверно, не должны. Очень трудный вопрос. Если бы я была работодателем и человек соответствует своей занимаемой должности — я бы не стала его увольнять».

Т.Д., 59 лет, ж.: «Если человек работает хорошо, то не могу уволить. Я так считаю. Если человек взялся за работу, то он должен отвечать своим обязанностям. Если не справляется — увольт, справляется — не увольт».

С.В., 66 лет, ж.: «Если бы я была руководителем, я бы увольняла. Я со стороны наблюдаю картину: стоят два мужчины, руки трясутся, возраст уже. Студенту приятно ли смотреть? И не все пополняют багаж своих знаний: он студенту преподает то, что было много лет назад, а ведь у нас появляется что-то новое. Я принципиально считаю: работать должны до пенсионного возраста. Положено отдыхать — отдыхай».

По мнению респондентов, одной из главных причин возможного увольнения «по возрасту» является несоответствие занимаемой должности по профессиональным критериям. На наш взгляд, именно этот параметр должен быть определяющим. Однако остается открытым вопрос: насколько работодатели руководствуются этим принципом? Проведенное ис-

следование позволяет заключить, что фактор возраста часто перевешивает потребность в навыках и опыте пожилых людей.

В целом же стоит отметить, что большая их часть достаточно лояльно относится к существующей практике «увольнения по возрасту», отмечая важность предоставления возможностей к труду молодым поколениям.

С.В., 66 лет, ж.: «Я глубоко убеждена: работать должны люди молодые, здоровые, энергичные».

Вместе с тем, учитывая неоднородность исследуемой социально-демографической группы, следует принимать во внимание тот факт, что смена образа жизни после завершения трудовой деятельности может стать в некоторых случаях серьезным психологическим барьером.

И.Н., 70 лет, ж.: Очень сильно все поменялось, потому что, кроме различных курсов, мои познавательные потребности нигде не удовлетворялись. Пока я не нашла свое хобби, был сенсорный голод... Многие из нас готовы пригодиться и бесплатно государству. Ну а вообще: не нужны — значит не нужны. Ищем себе применение сами».

Таким образом, адаптация к смене образа жизни на пенсии может происходить в разных проекциях. Судя по результатам нашего исследования, восприятие пожилых людей как гомогенной группы с устоявшимся набором социальных ролей и функций является одним из наиболее существенных барьеров, препятствующих инклюзии старшего поколения. Часть его представителей не ассоциируют себя с пожилыми людьми в их стереотипном восприятии обществом, однако вынуждены перестраиваться в связи с влиянием внешних факторов (завершение трудовой деятельности и стереотипизация). Жизненные стратегии рассматриваемой категории выстраиваются по разным траекториям, поэтому существующая социокультурная парадигма «старости» требует изменения.

Проблема «отцов и детей», подробно раскрытая в одноименном произведении И.С. Тургенева, остается актуальной и сегодня. Одной из главных проблем является неприятие старшим поколением ценностей младшего, и наоборот, что активизирует процесс разрыва межпоколенческих связей. Респондентам предлагалось дать свою характеристику современ-

ной молодежи и сравнить ее с поколением своей молодости. В целом опрошенные не давали однозначных оценок, отмечая гетерогенность состава молодежи.

Г.П., 82 года, ж.: «Не скажу, что вся молодежь плохая. Есть молодежь, которая уступит и место и спросит что-то. Но сейчас стало очень мало таких, а раньше, можно сказать, что больше чем половина была. Раньше-то тоже были, как говорится, такие и нахалы... Но сейчас больше».

К.К., 75 лет, ж.: «Мне кажется — разная. Бывает и хорошая. А иногда на улице смотришь: дерзкие такие. Даже школьники средние. Все разные».

Т.Д., 59 лет, ж.: «Я ориентируюсь по своей семье. Моему сыну 36 лет и его друзья такого же возраста. Молодежь отличная. Может быть какие-то исключения из правил, но я смотрю на них и радуюсь».

С.В., 66 лет, ж.: «Не хуже. Обычные ребята, здоровые, энергичные, веселые».

Фактически подобные высказывания являются также своего рода опровержением стереотипа о негативном отношении пожилых людей к молодому поколению. Однако встречаются и однозначные оценки.

Г.П., 82 года, ж.: «От воспитания зависит, зависит от того, как школа относится. Потом, раньше ведь если какое-то замечание сделаешь, как-то прислушивались, даже которые уж очень такие... А сейчас чуть чего, то тебя если не словом обидят, то и кулаками могут даже погрозить».

Н.Н., 72 года, ж.: «В советское время, когда студенты заканчивали медучилище, на выпускном было столько слез. Сейчас — хоть бы слезинка. Раньше было больше душевности. Сейчас другие люди. Уровень знаний выпускников намного меньше. Говорить совсем не умеют, двух слов связать не могут».

В данном случае отличия «той» молодежи от современной определяются разницей в воспитании и образовании. При этом, по мнению многих опрошенных, изменение общественного строя, системы воспитания и образования стали главными причинами того, что современная молодежь делает заметно больший акцент на финансовом благополучии и собственных интересах.

В.В., 72 года, ж.: «Молодежь сейчас пошла, между прочим... Деньги надо большие. Так тебе надо с мастера начинать какого-нибудь, но не хотят лопатой-то грести».

И.Н., 70 лет, ж.: «Мы в молодости были не так замотивированы на финансовую составляющую, а они ищут не сколько занятие для души, сколько деньги».

Г.П., 82 года, ж.: «Они уже по-другому смотрят на жизнь стали, как смотрели мы. Мы прежде думали о Родине, а потом о себе. А теперь наоборот. Это почти у каждого, редкостное явление, если наоборот... От родителей много зависит, они учили, что надо быть сплоченней, что надо помогать друг другу. И они сами помогали. Их пример очень много значит. Отец говорил, что сначала надо людям помочь, и нас так воспитали».

Данные отличия фактически представляют собой следствие влияния внешних факторов, формирующих различия в ценностях поколений. Однако были выявлены и более глубинные различия, выражающиеся в следующем.

И.Н., 70 лет, ж.: «Современная молодежь производит больше проб в разных направлениях, в которые не углубляются. Я всю жизнь, в том числе и в молодости, занималась одним. Остальное было вспомогательным. А они (современная молодежь. — Прим.) пробуют — бросают, пробуют — бросают».

С.В., 66 лет, ж.: «Современная молодежь — ищущая. Они пробуют себя в различных областях, свой стиль. Пробуют себя в разных сферах деятельности».

Таким образом, различия в ценностях и установках между старшим поколением и молодежью формируются в результате изменения подхода к определению своего места в социальной структуре. Если раньше, по мнению опрошенных, молодые люди старались акцентировать свое внимание на узком спектре действий и реализовать себя в определенной сфере, то современная молодежь, учитывающая быстрые темпы технологического и социального прогресса, вынуждена часто менять сферы деятельности. Вероятно, этот фактор является одним из определяющих в формировании ментальных барьеров инклюзии старшего поколения, в меньшей степени готового к инновациям и

преобразованиям не только в силу возраста, но и по причине сформировавшихся еще в молодости установок и взглядов.

Важно отметить, что большинство представителей старшего поколения склоняются к тому, что сейчас отношение к ним со стороны государства и общества стало лучше, чем раньше.

Г.П., 82 года, ж.: «Я бы сказала, что лучше».

Н.Н., 72 года, ж.: «Раньше у государства не было таких возможностей. Но сейчас, я считаю, к пожилым людям внимания больше. Взять тех же ветеранов — сразу после войны такого внимания не было».

К.К., 75 лет, ж.: «Я думаю, лучше. Более уважительно, как мне кажется».

Т.Д., 59 лет, ж.: «Хорошо относятся, если сам себя хорошо зарекомендовал. Надо себя вести нормально».

Как показало исследование, положительные оценки определяются преимущественно увеличением спектра вариантов проведения досуга (рост количества общественных организаций, досуговых центров, кружков и др.), что позволяет пожилым людям ощущать внимание со стороны социума и включенность в общественную жизнь. На этом фоне политика государства в отношении пожилых людей также получила высокую оценку, хотя финансовая составляющая по-прежнему является предметом обеспокоенности и недовольства:

И.Н., 70 лет, ж.: «К сожалению, все становится платным. Приходится на чем-то экономить, но и государство на нас, конечно, тоже экономит. Слава Богу, не ограничивают, как в былые времена. Ограничения только денежные».

Г.П., 82 года, ж.: «Видите... люди живут с пенсией 8,9,10 тысяч. Разве можно на такую пенсию прожить? Я бы сказала, что уже нельзя. Только концы с концами сводят и потом уже никуда у них не остается, даже на одежду приличную. Что останется если от прошлого...».

Т.Д., 59 лет, ж.: «Хорошая политика. Пенсию, конечно, не мешало бы побольше».

В.В., 72 года, ж.: «То, что нам пенсию дают, и вовремя дают — это молодцы. Хоть и не очень большая. Льготы тоже — хоть и маленькие. Не нравится то, что, конечно, немало бомжей пожилых».

С.В., 66 лет, ж.: «В принципе пенсиями не обижены, все нормально. Если нормально работал всю жизнь, то квартира у пенсионера уже есть. Беспокоит вопрос о том, что надо уменьшать пенсию, хотя вроде и уменьшать-то ее некуда. На питание только-только хватает».

Следовательно, можно утверждать, что низкий уровень пенсий выступает главным экономическим ограничением инклюзии старшего поколения. Получается, что в России перед пожилыми людьми на пенсии открывается большой спектр возможностей для реализации собственных потребностей и интересов, которые, однако, имеют денежные ограничения. При ответе на вопрос о том, что следует предпринять государству, чтобы изменить положение пожилых людей, подавляющее большинство опрошенных назвали также повышение размера пенсионных пособий.

Результаты интервью свидетельствуют о том, что пожилые люди не перекладывают всю ответственность за свое положение на государство, отмечая лишь его роль как гаранта пенсионного обеспечения.

И.Н., 70 лет, ж.: «Конечно, на себя. Я копила, честно говоря, на пенсию. Я готова подрабатывать, работать, но это как-то странно сидеть вахтером. На свои возможности надо опираться, инвалиды – другое дело».

Н.Н., 72 года, ж.: «Человек должен заботиться о себе сам. Иждивенческое настроение, между прочим, у многих. Все винят государство, а ты сам-то что сделал?»

Е.Г., 80 лет, м.: «Зачем на государство рассчитывать? У государства много людей. Наше поколение сами всего добивались. Работали, где-то еще подработку брали. Мы и так бесплатно выучились».

К.К., 75 лет, ж.: «Если есть у государства возможность помочь, то неплохо было бы. А если нет – самому надо. Я думаю, если человек имеет большой трудовой стаж, то пенсия у него хорошая должна быть, прожить можно на нее. А если по каким-то причинам не работал, то дети должны помочь. Должна быть поддержка от детей, необязательно материальная».

Т.Д., 59 лет, ж.: «Не надо ни на кого надеяться, я вот только на себя».

С.В., 66 лет, ж.: «Если государство не будет давать пенсию, то какие свои возможности? Бо-

лячки уже появляются, возможности не те. А в бытовом плане, конечно, сам. Нельзя полностью свое содержание перекладывать на государство. Пенсию дали – живете».

Таким образом, по результатам исследования можно констатировать, что для современного старшего поколения в России не характерны иждивенческие настроения. На государство не возлагаются обязанности по обеспечению достойной старости в части неэкономических аспектов качества жизни. Но, как и в случае с вынужденным снижением потребления в пожилом возрасте, такая жизненная позиция может быть следствием принятия подхода государства, являющегося *только* гарантом материального обеспечения. Пожилые люди получают в свое распоряжение большое количество свободного времени и возможностей, но в силу ряда объективных обстоятельств, в том числе и ментального характера, не могут реализовать их в полной мере.

Заключение. Проведенное исследование позволяет утверждать, что сформированный в общественном сознании образ пенсионера как представителя непродуцирующей части населения заметно ограничивает возможности реализации потенциала старшего поколения. В то же время поддержание этого образа во многом определяется и внутригрупповыми процессами. Жизненные стратегии работающих и неработающих пенсионеров выстраиваются по принципиально различным траекториям: в первом случае – через отнесение себя к трудоспособной (производительной) части населения (что наглядно демонстрирует структура ценностей), а во втором – через интериоризацию установок, характерных для субкультуры «старости» (определяющим является состояние здоровья, вытесняющее все остальные факторы на периферию).

Выявленные социальные барьеры инклюзии старшего поколения во многом определяются особенностями восприятия пожилыми людьми своего положения в социальной структуре. Как показывают результаты глубинных интервью, фактор «инерционности» при продолжении трудовой деятельности позволяет сохранять прежние социальные связи, структура которых включает представителей разных возрастов (в том числе молодых). Завершение

трудовой деятельности вследствие личных или внешних причин ведет к постепенному увеличению социальной дистанции между представителями старшего поколения, сужению круга общения, а также к потере ощущения чувства «нужности» обществу. Беседы в форме интервью с пожилыми людьми свидетельствуют о том, что именно завершение трудовой деятельности, а не получение статуса «пенсионера», служит главным фактором, определяющим возникновение социальной дистанции между старшим поколением и обществом. Из результатов интервью следует, что повторные попытки трудоустройства в пенсионном возрасте осложняются, в том числе, восприятием пожилых людей обществом как малопроизводительной части населения.

Одним из основополагающих аспектов, препятствующих инклюзии старшего поколения, выступает разрыв межпоколенческих коммуникаций. Как показало исследование, данный процесс определяется множеством факторов, главным из которых является потеря актуальности навыков и опыта представителей старшего поколения, а также их востребованности населением младших возрастов (в

том числе внутри семьи). Проблема была актуальной и в другие эпохи, однако определялась преимущественно консервативным мышлением и снижающейся с возрастом способностью адаптироваться к нововведениям. Сегодня ситуация осложняется колоссальными темпами технологического прогресса. Решение проблемы разрыва межпоколенческих коммуникаций должно быть двусторонним. Требуется изменение социокультурной парадигмы старости, базисным элементом которой должно стать осознание важности межпоколенческого взаимодействия как молодыми людьми, так и представителями старшего поколения. Фактор возраста не должен являться параметром, определяющим место, роль и функции человека в социальной структуре. Важно сформировать среди молодого населения позитивные установки на старость, опираясь на то, что рано или поздно каждый из членов общества попадает в социально-демографическую группу пожилых. Закончим несколько перефразированным утверждением одного из респондентов: *общество стареет, меняются поколения и технологии, однако правила жизни остаются неизменными.*

Литература

1. Barsukov V.N., Kalachikova O.N. Study of the quality of life of the older generation: a regional experience. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2016, no. 4, pp. 88-107.
2. Bengtson V., Achenbaum W. *The Changing Contract Across Generations*. New York: Aldine de Gruyter, 1993. 311 p.
3. Barr N. *The Welfare State as Piggy Bank*. OUP Oxford, 2001. 316 p.
4. Carstensen L.L. Motivation of social contact across the life-span. *Nebraska Symposium on Motivation: Developmental Perspectives on Motivation*, 1992, vol. 40, pp. 209-254.
5. Dukhovnov D., Zagheni E. Who takes care of whom in the United States? Time transfers by age and sex. *Population and Development Review*, 2015, vol. 41, pp. 183-206.
6. Feuer L.S. *The Conflict of Generation. The Character and Significance of Student Movement*. New York, 1969. 543 p.
7. Демография: Учебник для ВУЗов / под ред. Н.А. Волгина, Л.Л. Рыбаковского. М. : Логос, 2005. 280 с.
8. Семенова В.В. Дифференциация и консолидация поколений // Россия: трансформирующееся общество / Под ред. В.А. Ядова. М. : КАНОН-пресс-Ц, 2001. С. 256-271.
9. Беляева Л.А. Социальный портрет возрастных когорт в постсоветской России // Социологические исследования. 2004. № 10. С. 31-41.
10. Mannheim K. Das Problem der Generationen. *Kölner Vierteljahreshefte für Soziologie*, 1928, vol. 7, pp. 157-185.
11. Mentré F. *Les générations sociales*. Paris, 1920. 451 p.
12. Ортега-и-Гассет Х. Вокруг Галилея (схема кризисов) : пер. с исп. / сост., предисл. и общ. ред. : А.М. Руткевич. М. : Весь мир, 1997. 704 с.

13. Шабунова А.А., Барсуков В.Н. Тенденции демографического старения населения Российской Федерации и пути их преодоления // Проблемы развития территории. 2015. № 1. С. 76-87.
14. Шабунова А.А. Общественное развитие и демографические вызовы современности // Проблемы развития территории. 2014. № 2. С. 7-17.
15. Sanderson W., Scherbov S. Faster increases in human life expectancy could lead to slower population aging. *PLoS ONE*, 2015, vol. 10. URL: <http://journals.plos.org/plosone/article?id=10.1371/journal.pone.0121922>
16. Howe N., Strauss W. *Generations: The History of America's Future, 1584 to 2069*. New York, 1991. 544 p.
17. Sorokin P. A. Cyclic concepts of socio historical process. *Social Forces*, 1927, September, pp. 28-40.
18. Хабермас Ю. От картин мира к жизненному миру. М. : Идея-Пресс, 2011. 128 с.
19. Ерасов Б.С. Социальная культурология. М.: Аспект Пресс, 2000. 591 с.
20. Mead M. *Culture and Commitment: A Study of the Generation Gap*. The Bodley Head, 1970. 99 p.
21. Тоффлер Э. Шок будущего. М. : АСТ, 2002. 557 с.
22. Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: последовательность человеческого развития. М. : Новое издательство, 2011. 464 с.
23. Барсуков В.Н. Причины и последствия конфликта поколений как социальной проблемы «стареющих» государств // Социальное пространство. 2016. № 5 (7). URL: <http://sa.vscs.ac.ru/article/2069>

Сведения об авторе

Виталий Николаевич Барсуков – младший научный сотрудник, Вологодский научный центр РАН (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: Lastchaos12@mail.ru)

Barsukov V.N.

Barriers to Social Integration of the Older Generation in the Context of Intergenerational Communication Issues

Abstract. Over the past few centuries, humanity has made the transition from a “society without the elderly” to an “aging society”. The consequences of global population ageing entail changes not only in the economic and demographic space, but also in the social space. At the same time, this category of consequences caused by the increase in the share and number of representatives of the older generation is the least amenable to empirical measurements and forecasting. One of the most important tasks of the “ageing” states is to solve the problem of social integration and secondary socialization of the elderly, but in the conditions of increasing technological progress there emerges a powerful structural barrier, which is expressed in the growing communication distance between generations. The “generation gap” issue originates in ancient times, but at the moment in the context of global demographic aging it is becoming increasingly important. The aim of our research is to study barriers to social integration of the older generation in the context of intergenerational communication. To achieve this goal, we carry out a conceptual review of the existing theory of generations and fundamental works in the field of research on intergenerational communication, we analyze and interpret the data obtained through a series of in-depth interviews with representatives of the older generation, and formulate main conclusions of the study. The above goals and objectives aim to test the main hypothesis of the study, according to which the gap in intergenerational communication is one of the main barriers to social integration of the older generation. The first part of the paper presents a theoretical overview of existing approaches to the concept of “generation”, laws of their change and factors leading to the break of intergenerational communications. It identifies theoretical and empirical limitations in the allocation of universal characteristics of the change

of generations. It concludes that the process of breaking intergenerational communication is linked to the formation of barriers to social integration of the elderly. The second part of the paper presents data on the results of a series of in-depth interviews with representatives of retirement age population living in Vologda. The study confirms the hypothesis that the break of intergenerational communications is one of the fundamental aspects that prevent the inclusion of the older generation. This process is determined by many factors, the main ones of which include the loss of relevance of skills and experience of the older generation, as well as the loss of the demand for these qualities on the part of the younger population (and also within the family).

Key words: population ageing, older generation, intergenerational communication, generation gap, barriers to inclusion.

Information about the Author

Vitalii N. Barsukov – Junior Researcher, Vologda Research Center of RAS (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: Lastchaos12@mail.ru)

Статья поступила 18.06.2018.